

Зачем

ЗА ТРОИХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАРИ МАЛИНСКАЯ

Мари Малиновская)
Зачёт на троих
Серия «Тёмная романтика
(Маша Малиновская)», книга 6

<https://litres.ru/74203059>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Отпусти её. Я согласен на твои условия, — голос Кости дрожит от ярости.

— На все? — усмехается Глеб, скользя ладонью по моему бедру. — Тебе придется делиться, братец. Смотреть и участвовать. А дёрнешься — по правилам Клуба она уйдёт на общак.

— Да, — Костя делает шаг к нам. — Только не смей причинять ей боль.

Я — просто первокурсница, которая случайно попала в лапы безжалостного мажора в закрытом колледже для элиты. Он ломает меня. А его брат — собирает по кусочкам.

Они ненавидят друг друга. Один ни за что не отпустит свою добычу, а другой готов пойти на сделку с дьяволом, лишь бы уберечь меня. Даже если цена моей безопасности — разделить меня со своим заклятым врагом.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Маша Малиновская

Зачёт на троих

Пролог

Дорогие читатели! Данный роман пишется в жанре dark romance (тёмная романтика) и может содержать сцены с серой моралью, психологическим давлением и откровенной эротикой. Здесь нет ванильных принцев на белом коне, это история о власти, предательстве, одержимости и страсти, сжигающей дотла.

***тут частокол из красных флажков ***

Имейте, пожалуйста, это в виду, приступая к чтению.

Но напомним, что все мои герои ВСЕГДА приходят к ХЭ.

Пролог

Эвелина

— Кто бы мог подумать, что ты, маленький Оленёнок, умеешь так быстро бегать.

Его голос раздаётся совсем рядом. Спокойный такой, ровный, даже ласковый. Словно этот ублюдок сейчас не гнал меня по лесу около часа, наслаждаясь моим животным ужасом.

— Я знаю, что ты здесь, солнышко, — его голос полон самодовольства. — Я чувствую твой страх. Но ты же понимаешь, что спрятаться не получится? Знай это, если вдруг твою красивую головушку посещали такие глупые мысли.

Я зажмуриваюсь и зажимаю рот ладонью, чтобы произвольно не издать ни звука. Сердце в груди стучит так быстро, что вот-вот мои рёбра пойдут трещинами. Дышать совсем нечем. Запах сырости и гнилого дерева забивается в ноздри, вызывая тошноту.

Я хватаюсь за своё предплечье, где горит эта чёртова метка, и с силой вдавливаю пальцы в плоть через куртку. Вдавливаю так, чтобы боль прошла руку и хоть немного отрезвила от той неконтролируемой жути, что охватила мой мозг и сковала тело.

Тяжёлые подошвы его ботинок глухо стучат по деревянному полу заброшенной лодочной станции. Шаги тяжёлые, и каждый будто гвоздь мне в сердце забивает. Я прижимаюсь затылком к трухлявой деревянной стене и чувствую, как по моим щекам стекают две горячие крупные слезы.

— Выходи сама, Лина, — тянет пугающе ласково, а у меня от его тона по позвоночнику прокатывается ледяная дрожь. — Не заставляй меня вытаскивать тебя из твоего псевдоукромного местечка силой. Поверь, тебе это не понравится.

Я вжимаюсь в стену лопатками ещё сильнее, молясь всем богам, чтобы у меня получилось слиться с темнотой.

Шаги внезапно стихают, и тишина давит на барабанные

перепонки сильнее любого крика. Я перестаю дышать, прислушиваясь изо всех сил.

Вряд ли он ушёл...

А, может, всё же решил, что меня здесь нет? Он ведь не видел, что я свернула к озеру, когда бежала, ожидал, скорее всего, что я пойду по тропинке. Это было бы логично.

Но в следующий момент, буквально в паре шагов от моего лица, раздаётся сухой щелчок колёсика зажигалки. Вспыхнувший жёлтый огонёк выхватывает из темноты идеальную линию губ и прищур холодных зелёных глаз.

Подонки не ищут меня вслепую. Он знал, что я здесь. Знал, что я приду сюда! Просто играл, как кошка с мышью. Загонял, как дичь, в ловушку.

Крик ужаса так и застряёт у меня в горле, когда он резко подаётся вперёд, и крепкие пальцы стальным кольцом смыкаются на моём запястье. Меня рывком выдёргивают из укрытия, и я впечатываюсь в мужскую грудь.

Меня обдаёт его запахом, который диссонирует с тем, что происходит. Парфюм, который вряд ли можно себе представить у психопата. Хотя, откуда бы мне знать, как пахнут психопаты?

Инстинктивно дёргаюсь назад, пытаюсь вырваться, но его вторая рука тут же ложится мне на затылок. Намертво фиксирует на месте, прижимая к себе так плотно, что я чувствую чужое размеренное сердцебиение.

— Плохая девочка. — Его дыхание обжигает мою щёку.

Пальцы на моём затылке собственнически зарываются в волосы, вынуждая запрокинуть голову и посмотреть прямо в глаза моему ночному кошмару. — А ведь ты знаешь правила, Оленёнок. За каждый побег нужно платить. И в этот раз я заберу абсолютно всё.

— Не смей ко мне прикасаться, — выдыхаю из последних сил, но голос дрожит. Получается до невозможности жалко. — Зачем тебе это? Зачем ты...

— Зачем? — Он негромко усмехается и в какой-то извращённой ласке нежно обводит большим пальцем мою скулу. — Ты ведь сама мне себя отдала. На блюдечке с каёмочкой. Разве нет?

Я судорожно втягиваю воздух, когда его лицо наклоняется ниже, и горячее дыхание обдаёт кожу моей шеи. Прямо там, где мой пульс выдаёт дикий страх перед ним.

— Ты правда думала, что в этом проклятом месте есть хоть кто-то, кто сможет тебя спасти? — Его голос звучит бархатно и убаюкивающе, отчего кровь стынет ещё сильнее. — Какая же ты ещё наивная, Оленёнок. Никто не защитит тебя от меня. Никто.

Глава 1

Несколькими месяцами ранее...

— Эвелина, жаль, конечно, что ты не дотянула, но жизнь-то на этом не закончилась. — В мамином голосе слышится явное разочарование, хотя она вроде как и пытается поддержать меня. — Не всем дано быть в медицине, это слишком непростая сфера, туда случайные люди не попадают. Нужно иметь талант.

— Да, мам, конечно. — В горле начинает горчить, а глаза жжёт. Бабушка, которая сидит напротив, складывает руки и тяжело вздыхает, пока я держу взмокшими пальцами смартфон у уха.

— Ладно, дочь, мне пора. У нас сегодня пациентов много, а моя коллега приболела. Меня ждут.

— Пока, мам.

Мама сбрасывает первой, а я ещё доли секунды держу телефон у уха, и только потом кладу на стол и блокирую экран. Глаза на бабушку поднимать не хочу.

— Линочка, — осторожно говорит бабушка, — ну её, эту медицину! Ни жизни, ни семьи потом, учись всю жизнь. Ты вон рисуешь как, можно же в художественный или на архитектора. Да мало ли профессий, что ты в эту медицину упёрлась, а? Глянь на отца с матерью, оба помешаны. И что хорошего?

Да, мои родители — оба врачи. Высокотехнологичные специалисты. Мать — третий год в командировке в Замбии, большое дело делает, налаживает там медицинскую помощь, просветительской деятельностью занимается от нашего центра вакцинации. Отец — известный в Москве кардиохирург, сейчас живёт с другой женщиной, с мамой они развелись шесть лет назад. У него новая семья, и дочь приёмная от второй жены. Которая, кстати, в прошлом году в медицинский на бюджет поступила.

Дед по отцу врачом военным был. Бабушка — педиатр.

А я... так. Белая ворона в семье.

Без белого халата...

Хотя с седьмого класса я сидела за учебниками и упорно готовилась в медицинский. Корпела над уроками, зубрила-зубрила-зубрила... ЕГЭ сдала русский и математику на отлично, а биологию и химию провалила... И не поступила, конечно же.

Позор семьи.

Мой смартфон на столе снова вздрагивает — пришло сообщение от отца.

— Папа приехал, ждёт внизу, — говорю бабушке и со вздохом встаю. Он тоже в курсе уже, что я не поступила. И сейчас мне придётся выслушать, как сильно я его разочаровала.

— Ты давай там близко к сердцу не принимай всё это, поняла, деточка? — Бабушка тоже поднимается из-за стола.

— Ты не обязана быть, как мы, у тебя других талантов много.
Бабушка искренне говорит, от души, я понимаю это, но это её “как мы” царапает.

Я стягиваю волосы в низкий хвост, надеваю босоножки и спешу на выход. Папа у меня человек занятой, и ему просто выделить лишние полчаса-час, чтобы выпить со мной кофе в кофейне, так что не стоит заставлять его ждать.

— Привет, пап, — улыбаюсь отцу, усаживаясь к нему в машину и пристёгиваясь. — Как дела?

— Нормально. Вчера было четыре операции за день. Сегодня, наконец, выходной, что, ты знаешь, бывает нечасто. Но меня сейчас больше интересует, как твои.

— Ты ведь уже знаешь, что я не поступила, пап.

— Угу, — кивает отец и выезжает с парковки дома, в котором я живу с бабушкой. На меня он не смотрит, брови нахмурены.

С папой мы особенно близки никогда не были, но и сказать, что он мало интересовался моей жизнью, я тоже не могу. Даже после развода с мамой, он звонил мне раз в пару дней, а по субботам мы обязательно встречались, чтобы выпить чаю и прогуляться по парку, если у папы в этот день не было дежурства.

Я никогда не боялась его, как это бывает у подростков, потому что он никогда не ругал меня, не повышал голос и не наказывал. Но я всегда боялась разочаровать его, не дотянуть до его уровня.

Так и вышло. Я облажалась. И сильно.

До нашей кофейни мы едем молча. Отец дважды отвечает на телефонные звонки, а я просто молча смотрю на дорогу.

В кофейне папа интересуется, что я буду. Я, как и обычно, выбираю шоколадный чизкейк и зелёный чай, а он берёт себе американо.

Разговор не клеится. Нам и так непросто было находить темы, а сегодня уж тем более.

— Я думаю пропустить год и попробовать поступить на следующий. Что думаешь? — Поднимаю глаза на отца, поковырявшись вилкой в чизкейке. Сегодня даже любимое лакомство не лезет.

— Это глупая идея. Если ты не потянула поступление, то как ты потянешь учёбу в медицинском, Лина? Поступить — всего лишь маленький и самый простой шаг, с которым ты не справилась.

“С которым ты не справилась”.

Сказал отец это спокойно, но у меня аж уши заложило. Досада накрыла так, что в животе заныло.

— Я даже не думала о других вузах, пап, — пожимаю плечами. — Готовилась только в мед.

— Вот об этом я и хотел поговорить, Эвелина, — серьёзно говорит отец, сделав глоток кофе. — У меня на приёме вчера был один человек, я его оперировал в прошлом году. Крупный бизнесмен, связан с политикой. У нас зашёл разговор, и он предложил интересный вариант.

Я внимательно смотрю на отца, забыв про остывающий чай. Какой может быть вариант у политика для девчонки, завалившей химию?

— Есть закрытая академия — Черногорский колледж.

— Я про такой не слышала... — смотрю на отца непонимающе.

— Это закрытое учебное заведение. Элитное. Управление, международное право, экономика. Диплом Черногорского открывает любые двери в этой стране и за её пределами. О нём не всем известно, потому что это место не для всех. Там есть бюджетные места, но просто так с улицы туда не берут. Нужны рекомендации.

— Но я хотела лечить людей, пап. Как ты, мама, бабушка...

Отец опускает чашку на блюдце, и звон посуды неприятно коробит.

— Ты провалила профильные предметы, Эвелина, — чеканит он, и от его холодного тона мне хочется вжать голову в плечи. — Давай смотреть правде в глаза: врачом тебе не стать. По крайней мере, хорошим. А быть посредственностью в нашей семье не принято.

Я опускаю взгляд на свой расковыранный чизкейк. Каждое его слово — чистая правда. И от этого только больнее.

— Мой пациент — один из попечителей Черногорского, — продолжает отец уже спокойнее, но с нажимом. — В качестве благодарности за успешно проведённую операцию на

сердце он предложил мне квоту. Одно место на первом курсе. С полным пансионом.

— Пансионом?

— Да. Колледж находится за городом, в горах за Геленджиком, территория закрыта. Студенты живут там весь учебный год, выезжая только на каникулы или по специальным пропускам. Тебе пойдёт на пользу смена обстановки и строгая дисциплина. Возьмёшь себя в руки, выучишься, получишь престижную профессию. Это шанс на миллион, Лина. Такими подарками судьбы не разбрасываются.

Я молчу, до боли прикусив внутреннюю сторону щеки.

Закрытая территория. Другая профессия. Общество “золотой молодёжи”, к которой я никогда не принадлежала. Моя семья живёт в достатке, но мы — интеллигенция, врачи. Мы не политики, не олигархи и не нефтяные магнаты. Я буду там чужой.

— Пап, я... я не уверена, что потяну. Что впишусь.

— Лина, — отец смотрит на меня тем самым взглядом кардиохирурга, который привык принимать решения за долю секунды. — Я не буду давить. Если ты хочешь год сидеть на шее у бабушки, слушая её причитания, и пытаться снова выучить то, что не далось тебе за три года — твоё право. Но я эту идею не поддерживаю. Я предлагаю тебе путёвку в жизнь. Решай.

Он смотрит на часы, показывая, что его время ограничено. Я сглатываю ком в горле. В голове бьётся только одна

мысль: я и так уже подвела его. Подвела маму. Если я сейчас откажусь от этого “шанса на миллион”, отец окончательно поставит на мне крест. Тем более, что дочь его новой жены уже учится на врача.

А я проиграла по всем фронтам.

— Я согласна, — тихо, но твёрдо говорю я, поднимая на него глаза. — Я поеду в Черногорский.

Отец коротко, одобрительно кивает.

— Вот и умница. Документы я уже передал. Завтра собирай вещи, в понедельник утром мы вылетаем. Я взял несколько дней отпуска для этого, хотя ты знаешь, как непросто это сделать с моей загруженностью.

— Конечно, пап. Спасибо. Я буду готова.

Вот только в тот момент я совсем не понимала, к ЧЕМУ мне придётся быть готовой...

Глава 2

Под крылом самолёта блестит бескрайнее синее море. Мы идём на посадку, и я прилипаю лбом к прохладному иллюминатору, рассматривая береговую линию Геленджика. Сейчас конец августа, сезон всё ещё в разгаре. Люди там, внизу, купаются, загорают, гуляют по набережной. А я море увижу только из окна машины.

Времени на то, чтобы спуститься к воде хотя бы на полчаса, у нас нет. У папы обратный рейс в Москву ровно через шесть часов. За это время ему нужно успеть довезти меня до колледжа, сдать с рук на руки руководству и вернуться в аэропорт. Пациенты ждать не будут.

После посадки мы забираем мой чемодан с ленты и выходим на улицу. Папа тут же берёт машину в каршеринге, садится за руль и вбивает в навигатор координаты, которые ему прислали утром сообщением. Точного адреса у колледжа почему-то не оказалось — только точка на карте, где-то в горах.

Мы выезжаем из города. Мимо мелькают белые домики, кипарисы, гуляют туристы в шортах и с надувными разноцветными кругами подмышкой. Но чем дальше мы отъезжаем, тем реже встречаются люди. Дорога начинает петлять, уходя вверх. Начинается крутой серпантин. С одной стороны — отвесные скалы, с другой — обрывы и густой зелёный

лес. Уши закладывает от перепада высот.

Я смотрю в окно, и тревога, которая ворочалась в животе с самого утра, разрастается до размеров огромного кома. Слишком далеко и глухо как-то. Если отсюда придётся выбираться, пешком до города точно не дойти.

Примерно через полтора часа пути мы въезжаем в густой лес, двигаемся по узкой, но идеально асфальтированной дороге. Ещё минут через двадцать навигатор сообщает, что мы прибыли к пункту назначения, а впереди из деревьев, будто те враз расступились, внезапно показываются высокие бетонные стены и такие же высокие серые металлические ворота.

Я вытягиваю шею, пытаюсь рассмотреть этот хваленый Черногорский колледж. Стена тянется так далеко, что конца не видно. А у ворот виднеется КПП с тонированными стёклами. Никаких красивых вывесок или открытых аллей. Это больше похоже на закрытую частную территорию или элитную тюрьму, чем на учебное заведение.

Мне становится не по себе. Я сглатываю подступивший к горлу страх и бросаю взгляд на отца. Он абсолютно спокоен. Наверное, и мне не о чём волноваться.

Отец глушит мотор, паркуясь у ворот на стоянке. Тут же стоят ещё два автомобиля. Не знаю, какой марки, но явно стоят, наверное, как половина многоквартирного дома, в котором я живу с бабушкой. Я выхожу из машины и обхватываю себя руками, пока отец достаёт из багажника мой чемо-

дан. Здесь в лесу совсем не жарко, не так как в городе. Или же это у меня от нервозности мурашками кожу обсыпало на плечах.

Пока папа возится с чемоданом, к воротам, мимо меня, проезжает ещё одна машина — красная, спортивная, а за рулём я замечаю парня. Когда он ровняется со мной, то бросает в мою сторону короткий взгляд, и кажется, что уже готов отвернуться, но будто на долю секунды всё же цепляется. А я успеваю заметить, что глаза у него ярко-зелёные, а волосы тёмные и рваными кудрями упали на лоб, будто сначала ему в лицо подул ветер, разметав, а потом они легли в беспорядке.

Красная машины подъезжает к воротам, они поднимаются и тут же следом опускаются, пропустив.

— Готова? — папа с чемоданом оказывается рядом, и я не заметила, как он подошёл.

— Да, — пожимаю плечами. — Идём, пап.

Готова я или нет — неважно. Мы уже тут.

Едва мы подходим к воротам, они тут же отъезжают в сторону, впуская в зону КПП, где нас уже встречает охранник — высокий крепкий мужчина в чёрной форме.

— Добрый день, — здоровается отец, а потом протягивает охраннику наши паспорта. Тот внимательно их изучает, сравнивая взглядом наши лица с фото в паспортах, а потом по рации передаёт данные.

— Будьте добры вашу технику, — протягивает серый пла-

стикový контейнер. — Ноутбук, смартфоны, смарт-часы. Багаж оставьте на ленте.

Я снова перевожу взгляд на отца, ощущая растущее напряжение, но тот реагирует спокойно. Снимает часы и достаёт из кармана телефон, всё складывает в контейнер. Я повторяю за ним, не задавая вопросов. Папа же сказал, что колледж закрытый, наверное, подобные методы оправданы, хотя мне совершенно чужды. Меня никогда ни в чём не ограничивали и ничего не отбирали — ни телефон, ни планшет, ни книги, которыми я зачитывалась иногда до середины ночи. Поэтому такой контроль сразу вызывает напряжение.

Нас просят несколько минут подождать и сканируют наши гаджеты каким-то устройством, а потом возвращают.

— Мобильная сеть и интернет на территории Черногорского не работают, — сообщает охранник. — По куар коду на выходе из КПП скачайте приложение, которое откроет вам шлюз к внутренней локальной сети.

Отлично. Интернета тут тоже нет.

— Пап, это точно не тюрьма? — хихикаю нервно, когда мы подходим к стенду с куар кодом, хотя на самом деле мне ни капельки не смешно.

— Нет, конечно, — усмехается отец. — Просто здесь обучаются дети очень важных людей, и это меры защиты.

Ладно, допустим.

Приложение устанавливаю на свой смартфон только я, ведь папе это не нужно, высвечивается значок связи, и до-

ступ в мои привычные приложения возобновляется, но горит иконка контроля трафика. Что ж, запрещёнными площадками я и не пользуюсь, ничего незаконного в интернете не ищу, так что какая разница.

— Далее по дорожке и направо, там увидите двухэтажное здание — это административный корпус, приёмная комиссия там же. Вас уже ожидают, — добавляет охранник. — Вещи девушки доставят в её комнату.

Мы проходим на территорию, и я невольно задерживаю дыхание. Внутренний двор поражает. Идеально подстриженные газоны, вымощенные светлым камнем дорожки, живые изгороди, аккуратные зоны отдыха и несколько корпусов из потемневшего красного кирпича с кое-где увитыми плющом стенами. Арочные окна, черепичная крыша, несколько башен с пиками — как будто я попала в старую английскую школу.

В этом огромном дворе есть и студенты. Я насчитала семейных. Учебный год начинается через два дня, наверное, сейчас все активно приезжают.

Мы находим нужное двухэтажное здание — административный корпус. Он чуть меньше остальных, но такой же мрачно-торжественный, со стильной стеклянной входной пристройкой.

Кабинет директора оказывается просторным, с панелями из тёмного дерева на стенах и массивным столом, за которым сидит мужчина средних лет в безупречно скроенном ко-

стюме. Он поднимается навстречу отцу, они обмениваются крепким рукопожатием.

— Рад знакомству, — директор переводит взгляд на меня. Оценивающий, холодный, но профессионально вежливый. — Эвелина, добро пожаловать в Черногорский колледж. Бюджетных мест у нас крайне мало, мы не практикуем массовый набор. Вы здесь только благодаря выдающимся заслугам вашего отца. И я искренне рад, что одно из мест досталось именно вам. Надеюсь, вы понимаете оказанное вам доверие и будете старательно учиться.

— Здравствуйте. Да, я понимаю, — выдавливаю я, стараюсь, чтобы голос не дрожал.

— Вот и отлично.

В тяжелую дверь негромко стучат, и в кабинет заходит высокая ухоженная брюнетка. Идеально прямые волосы, голубая блузка с иголки, заправленная в расклешенные белые брюки. Взгляд надменный и даже скупающий.

— Это Виктория, староста вашего сектора. Она покажет кампус, выдаст расписание и проводит в комнату, — директор снова смотрит на отца. — Все формальности улажены. Эвелина в надёжных руках.

Отец кивает и поворачивается ко мне. Настало время прощаться.

— Ну, Лина, — он скупно улыбается, мягко хлопая меня по плечу. — Обустраивайся. Учись. И не подведи меня.

— Не подведу, пап. Спасибо.

Я обнимаю его, а внутри всё сжимается от тоски. Как бы там ни было, сейчас он уедет, и я останусь здесь совершенно одна.

— До свидания, — бросает отец директору и быстро выходит из кабинета. Его уверенные шаги стихают в коридоре.

Я выхожу в коридор за старостой, и мы остаёмся с ней наедине. Вика смеряет меня равнодушным, даже пренебрежительным взглядом с ног до головы, словно прикидывая стоимость моей одежды. И явно делает неутешительные выводы.

— Пошли, — сухо бросает она, даже не подумав поздороваться, и разворачивается к выходу, а я иду за ней.

Глава 3

— Расписание, все учебные материалы, внутренние чаты и карта территории — в планшете. Каждому выдаётся персональный, твой, скорее всего, у тебя уже в комнате, — Вика говорит так, словно делает мне одолжение. — Пройдёшь авторизацию по фейс-айди и отслеживай. Также внимательно смотри за сообщениями в чате сектора. Твой — Зелёный.

— Сектора — это как факультеты? — уточняю я, пытаюсь завести разговор.

— Факультеты в Гарри Поттере, а у нас сектора: Красный, Жёлтый и Зелёный. Все курсы — от первого до четвёртого — делятся на эти три сектора. У каждого свой куратор из преподавателей и староста из студентов. У Зелёного, к которому ты относишься, — я. В моей компетенции добавлять или отнимать у тебя баллы общего рейтинга.

— Что даёт общий рейтинг? — я иду рядом с ней, но Вике, кажется, больше нравилось, когда я тащила сзади.

— Всё. — Она притормаживает и поворачивается ко мне, смотрит въедливо и как будто с торжеством. — Он имеет такой же вес, как и учебный. Точнее, учебный — часть общего. Это важнейший показатель, особенно для таких, как ты.

Прозвучало неприятно...

— Таких, как я?

— Да. Стипендиатов.

А теперь прозвучало как “нахлебников и нищebroдов”...
— Ясно.

Виктория продолжает наш путь королевской походкой, а я иду рядом молча. Под ложечкой неприятно сосёт. Впрочем, я и до знакомства с ней не испытывала особенного подъёма по поводу поступления, но почему-то мне казалось, что раз этот Черногорский столь серьёзное и строгое заведение, то и классовая разница здесь не так будет ощущаться. По крайней мере, не так остро, как показывают во всяких сериалах про элитные школы и университеты.

Но, кажется, я ошибалась. Осознавать это неприятно.

Но, возможно, не все тут такие, как эта Виктория.

Но тут у Вики звонит телефон, и она останавливается, смотрит на экран, а потом переводит взгляд на меня.

— Дальше ты сама. Идёшь прямо по дорожке, она как раз ведёт к общежитию. Второй корпус, первый подъезд, поднимаешься на второй этаж и ищешь Зелёный сектор, там всё промаркировано. Твоя комната под номером двести три. Запомнила?

Я хоть и “стипендиатка”, но не глупая вроде бы.

— Запомнила.

— Отлично, — Вика натягивает учтивую холодную улыбку. — И добро пожаловать в Черногорский. Общее собрание первокурсников завтра в десять, собрание сектора в двенадцать. Не опаздывай.

Виктория разворачивается и уходит обратно по мощёной

дорожке своей модельной походкой, а я продолжаю свой путь в направлении, которое она мне указала.

Но она сказала идти прямо по дорожке, а разделяется. Одна ветка уходит вправо, другая влево за живую изгородь. Она высокая, и что дальше — не видно. Хм. По идее, направо — учебные корпуса. Значит, мне нужно налево.

Туда я и иду. Но как только сворачиваю, натыкаюсь на парня, который стоит и что-то листает в телефоне. И натыкаюсь я — буквально, потому что не ожидала, что сразу за поворотом кто-то стоит.

— Ой, извини! — всплёскиваю руками. — Не ожидала, что тут кто-то есть, я...

— Ничего, — он поднимает на меня глаза и широко улыбается. — Это я виноват, надо было отойти с дороги. Прости.

В отличие от ледяного презрения Вики, этот парень смотрит на меня вполне тепло и дружелюбно. Не знаю, из стипендиатов он или нет, но никакого превосходства в его зелёных глазах я не вижу.

— Я, кстати, Костя, — он протягивает руку. — Только поступил на первый курс.

— Эвелина, — жму его руку в ответ, отмечая, что его кожа очень тёплая, а рукопожатие бережное. — Можно просто Лина. Я тоже первокурсница.

— Оба имени красиво звучат, — вздёргивает брови Костя, а я замечаю, что из-под выреза его футболки виднеется небольшой хвост татуировки. Интересно как, у нас в классе

из парней никто ещё не делал. Но может, он сделал после выпускного уже? И... почему я вообще думаю об этом?

— Спасибо, — улыбаюсь, ощущая, как щёки теплеют от смущения.

Как хорошо, что мне встретился этот Костя и своим дружелюбием сгладил неприятное впечатление, которое оставило высокомерие Виктории.

— Ты, кстати, куда?

— Я ищу общежитие. Староста указала путь, но сама вынуждена была отвлечься.

— Хочешь, провожу тебя? Я приехал ещё утром, уже успел расположиться и немного изучить, что тут и где.

— Буду очень благодарна, — киваю. — А то, кажется, я тут немного заблудилась уже.

Глава 4

— Давай помогу, — Костя кивает на мою объёмную сумку с ноутбуком, которая уже прилично оттянула мне плечо, потому что я туда натолкала и свои блокноты с рисунками, и карандаши. А ведь папа предлагал оставить её с чемоданом на КПП, чтобы тоже доставили в комнату.

И, не дожидаясь ответа, он просто забирает её, перекидывая через своё плечо так легко, словно она вообще ничего не весит, а я замечаю, как красиво перекачиваются сильные мышцы его плеч под узкими рукавами футболки.

— Спасибо, — выдыхаю я. Искренне радуюсь, что не придётся тащить её самой.

Мы идём не спеша. Костя расспрашивает, откуда я приехала, и рассказывает о себе. Говорит, что сам из Москвы, но последние пару лет учился за границей, Его отец настоял на возвращении и чтобы после школы он пошёл учиться в Черногорский, ведь тут учились почти все из его семьи, кроме матери, которая закончила Сорбонну во Франции.

Он общается легко, много шутит, и в его голосе совсем нет того пафоса, которым тут, кажется, пропитан даже воздух.

Я иду рядом и ловлю себя на том, что неосознанно приноживаюсь. От Кости приятно пахнет туалетной водой, и этот аромат чем-то мне напоминает запах озона после дождя. Приятный, уютный какой-то. Тугой колющий узел тревоги,

который не отпускал меня с самого утра, наконец-то немного слабеет. Оказывается, не все тут такие, как эта Виктория, и рядом с Костей Черногорский уже не кажется таким пугающим.

А ещё оказывается, что Костя тоже из Зелёного сектора.

— Пришли, — Костя останавливается возле первого подъезда общежития и аккуратно возвращает мне сумку. — Это женская часть, мужской подъезд следующий.

— Спасибо тебе, — улыбаюсь, ощущая, как щёки теплеют. — Рада была познакомиться. Без тебя бы я тут точно заблудилась.

— Да не за что, — он подмигивает, и в его зелёных глазах мелькают тёплые искры. Улыбка у Кости действительно приятная, открытая и искренняя. — Увидимся завтра на общем собрании, Лина. Постараюсь занять нам места рядом.

— Договорились.

Он ещё стоит у дверей, пока я набираю выданный в деканате код. Внутри корпус общежития оказывается совершенно не похожим на общагу в привычном понимании этого слова. По крайней мере, какой её себе представляла я. Скорее, на хороший отель. Просторный холл, стильные диваны, на полу глянцевая плитка.

На стенах вижу маркеры цветов секторов, поэтому запутаться сложно. На втором этаже быстро нахожу комнату с номером двести шесть и с волнением прикладываю ключ-карту, которую мне выдали. В этом месте я, вероятно, про-

веду следующие свои четыре года, поэтому, конечно, сердце замирает.

Замок пиликает, я толкаю тяжёлую дверь и замираю на пороге. Мой чемодан, как и обещал охранник на КПП, уже стоит у стены.

Комната огромная. Два широких окна, три кровати, заправленные светло-кофейного цвета покрывалами, три рабочие зоны с креслами, возле каждой кровати шкаф, сбоку круглый столик со стульями, а над ним полочка с чайником и маленький шкафчик. Всё выглядит так, словно только вчера из мебельного салона, даже запах такой.

А посреди комнаты кипит бурная деятельность.

Невысокая девушка с волосами, завёрнутыми в причудливый пучок на скорую руку, активно вытаскивает из своей дорожной сумки одежду и раскладывает на кровати.

Услышав меня, она тут же бросает своё занятие и направляется ко мне.

— О, привет! Система показала, что моя соседка авторизовалась, я ждала. Я Надя. Первый курс, Зелёный сектор. После общего курса думаю выбрать экономический профиль. Я заняла правую кровать у окна, люблю, когда много света. Ты ведь не против? — Она тараторит так быстро, что я едва улавливаю суть. — А тебя как зовут?

— Эвелина. Можно просто Лина, — ошарашенно моргаю я, проходя внутрь и опуская сумку на кровать у второго окна. — Тоже Зелёный сектор. И нет, я не против, мне без раз-

ницы.

— Супер! — Надя удовлетворённо кивает и тут же хватается со своей тумбочки планшет в строгом чёрном чехле. — Я уже зашла в систему, авторизовалась и посмотрела расписание. Ты ещё не заходила?

— Я... только приехала. Ещё ничего не открывала, — отвечаю, сдерживая улыбку. У меня возникает стойкая ассоциация с Гермией Грейнджер. Мне кажется, она даже внешне похожа — такие же орехово-карие глаза, каштановые волосы и россыпь веснушек на курносом носу.

Надя смотрит на меня так, будто я только что призналась, что не умею читать. Она поправляет на переносице свои стильные очки и тяжело вздыхает.

— Слушай, прости, — улыбается виновато, и её щёки немного розовеют. — Я слишком активна, да? Просто я так ждала поступления, ты не представляешь. Мои родители и старший брат закончили Черногорский, и мне так надоело ждать! Я ведь последний год в школе только и думала о колледже.

Кажется, Надя, в отличие от меня, надежды своих близких оправдала. Что ж, супер. Я могу только позавидовать.

Но, если честно, она совсем не вызывает у меня какой-то неприязни или чего-то подобного. Просто сразу видно, что Надя — человек с активной жизненной позицией. Я не такая, к сожалению, но, возможно, это совсем не будет мешать нам дружить, раз уж мы соседки по комнате.

— Всё в порядке, — смеюсь я, и она с облегчением выдыхает. — Я просто ещё немного в шоке. Я как раз из тех, кто не смог пойти по стопам родителей. Они у меня врачи, как и бабушка с дедушкой, а я провалила химию и биологию. Черногорский для меня неожиданное решение. Пациент отца, один из попечителей колледжа, в благодарность за операцию предложил моему папе бюджетное место для меня.

Я с некоторым напряжением ожидала реакции от Нади на эту информацию, но её, кажется, совершенно не смутило ни то, что я неудачница, ни то, что не принадлежу к их мажорской касте.

— Слушай, а может, это и к лучшему, — пожимает она плечами. — Диплом Черногорского открывает широкие перспективы на самом деле.

— Да, возможно мне и правда повезло.

— Да и тут просто интересно учиться — так мне мама рассказывала.

Надя возвращается к разбору своего чемодана, а я принимаюсь за свой. Мы продолжаем болтать, и я снова радуюсь — мне повезло встретить уже двоих замечательных ребят в этом месте в течение каких-то получаса. Так что, может, всё и правда не так уж и плохо, и мне действительно тут понравится.

Друзья, напоминаю, что у меня есть соцсети, в которых можно посмотреть визуалы к этой и другим моим книгам, а

также узнать об акциях, розыгрышах и скидка. Ну и просто поболтать с автором и другими читателями)

ВК-группа "Мари Малинская. Истории о любви"

https://vk.ru/malinskaya_mary

ТГ-канал "Мари Малинская автор книг 18+"

<https://t.me/marymalinskayabooks>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.